

СВЯЩЕННИК ЯКОВ ИВАНОВИЧ СМИРНОВ: 60 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ В ЛОНДОНЕ

А. А. ОРЛОВ

В статье рассказывается о священнике православной церкви российского посольства в Лондоне Я. И. Смирнове (Линицком), который был выдающимся общественным деятелем своего времени, высокообразованным литератором, переводчиком и полиглотом. С его именем связан единственный случай в истории российской внешней политики, когда в период правления императора Павла I духовному лицу поручалось исполнение дипломатических обязанностей.

Задумаемся на минуту, что мы знаем о деятельности российского посольства в Лондоне в конце XVIII — начале XIX в.? На память сразу приходит фамилия графа С. Р. Воронцова — долголетнего российского посла в Великобритании. Но если мы захотим больше узнать о других членах российской миссии, окажется, что в современных публикациях Воронцов заслоняет их всех¹. Однако в указанный период времени в Лондоне успешно действовали и другие выдающиеся русские люди. Среди них выделяется священник посольской церкви² протоиерей Яков Иванович Смирнов (1754–1840 гг.).

Этот человек долгое время был почти совершенно забыт исследователями. С момента выхода в свет книги британского историка Э. Г. Кросса о россиянах в Британии, а также фундаментальной монографии академика М. П. Алексеева, посвященной русско-английским литературным связям XVIII — начала XIX в.³,

¹ В этом отношении весьма показательна статья Т. А. Родиной, в которой не названо ни одной фамилии сотрудников С. Р. Воронцова, причем автор признает, что тот первоначально слабо разбирался в тонкостях дипломатического искусства и совершенно не знал страны пребывания (см.: *Родина Т. А.* Русский дипломат в Лондоне: Дипломатическая деятельность С. Р. Воронцова // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995. С. 18–29). Как же тогда посол добился столь выдающихся успехов?

² Полностью церковь, основанная в Лондоне в ноябре 1716 г., называлась «Православная греко-российская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы» (см.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. I. Варшава, 1897. С. 413, 415 (далее — *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты...). С начала 1813 г. она находилась в доме № 32 по Уэлбек стрит (Welbeck street). Здесь же, в т. н. «подцерковном доме», жил и священник со своей семьей. В приложении к статье помещено письмо Смирнова С. Р. Воронцову, рассказывающее об ограблении посольской церкви в 1804 г.

³ См.: *Cross A. G.* By the Banks of the Thames. Russians in the Eighteenth-Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980. (Рус. пер.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в

прошло более 20 лет до тех пор, пока жизнь и деятельность Смирнова стали темой новых публикаций⁴, написанных на основе материалов российских и британских архивов⁵ и мемуаров современников.

Яков Иванович Смирнов был уроженцем Харьковской губернии, происходил из семьи сельского священника. В 1776 г. выпускник Харьковского духовного училища, носивший тогда фамилию Линицкий, был в числе других лучших студентов отобран священником А. А. Самборским⁶ для продолжения образования за границей. По пути следования из Харькова до Петербурга и произошло переименование Линицкого в Смирнова. Вот как он описывал это событие: «...Самборский нас уверил, якобы по каким-то предубеждениям, некоторые члены тогдашнего министерства (т. е. российского правительства. — А. О.) весьма нерасположены были ободрять украинцев, и что если бы сделалось известным, что избранные им студенты все из Украины, то сие, почитал он, могло бы причинить не только вред, но может быть и совершенное уничтожение его плана. Не желая быть сему причиною, все мои сотоварищи и я согласились отдаться на его волю и он, будучи в Москве, по дороге в С.-Петербург переименовал всех прозвание, либо окончание оных, а именно: из студентов Прокопович назван Прокофьевым, Флавицкий Флавиановым; а мое прозвание, взяв за верное, что оно произошло от латинского слова *lenis*, которое значит тихой или смирной, переделано в Смирнова, которым с тех пор я доныне прозываюсь»⁷.

XVIII в. СПб., 1996. (Далее — *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов.) Та часть книги, в которой говорится о Смирнове, была ранее опубликована Кроссом в виде отдельной статьи: *Cross A. G. Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts // Oxford Slavonic Papers. New Series, 1975. Vol. VIII. P. 37–52. Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII в. — первая половина XIX в.) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982 (далее — *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи...).

⁴ *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 45–78; *Лоевская А. Ю.* Дела служебные и дела семейные: к истории одной дружбы: С. Р. Воронцов и Я. И. Смирнов // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макроисторической перспективе: Вопросы всеобщей истории. Вып. 8. Екатеринбург, 2006. С. 65–77; *Она же.* Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840) // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*, № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 321–339.

⁵ Личный фонд Смирнова имеется в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Оп. 844 (Личный архив Я. И. Смирнова). 1800–1833 гг. Но он содержит в основном переписку по хозяйственным вопросам, счета и денежные расписки разных лиц. Более ценные документы разбросаны по другим фондам АВПРИ, а также по различным архивохранилищам России и Великобритании, что затрудняет изучение жизни отца Якова.

⁶ А. А. Самборский (1732–1815) — предшественник Смирнова на посту священника русской церкви в Лондоне (1769–1779), потом настоятель Софийского собора в Царском Селе и духовник членов императорской семьи, талантливый ученый-агроном. О нем подробнее см.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. С. 53–59 и сл.; *Сибирева Г. А.* А. А. Самборский: К истории становления русской интеллигенции и ее связей с Западом (конец XVIII — начало XIX века) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 210–234.

⁷ [*Бартенев П. И.*] Лондонский священник Я. И. Смирнов (автобиографическое показание) // Русский архив, 1879. Кн. I. № 3. С. 355–356. Об этом же см.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты... Т. I. С. 426–427.

Впрочем, опасения Самборского оказались напрасными, и все студенты благополучно достигли мест своего назначения. Смирнов-Линицкий в июне того же 1776 г. прибыл в Лондон, где был определен на службу церковником⁸ при посольской церкви. В этом качестве он пробыл в Великобритании три года, после чего осенью 1779 г. вместе с Самборским вернулся обратно в Россию. Поскольку отец Андрей был назначен настоятелем Софийского собора в Царском Селе, 9 октября 1780 г. Екатерина II определила на его место Смирнова. Через неделю епископ Псковский Иннокентий рукоположил его во иерея. В конце 1780 г. новый батюшка вернулся в Лондон и приступил к исполнению своих обязанностей. Так началась его деятельность на этом поприще, продолжавшаяся 60 лет.

Кроме службы в церкви, что Смирнов всегда исполнял с любовью и старанием, он руководил деятельностью российских учеников и студентов, помогал послу⁹ в самых разнообразных делах и, кроме того, выполнял неисчислимое множество поручений как государственных организаций, так и частных лиц по закупке в Великобритании необходимых вещей¹⁰. Он оказался незаменимым помощником для С. Р. Воронцова, прибывшего в Лондон в июне 1785 г. Граф был новичком в дипломатии и не знал особенностей страны, в которой ему предстояло работать. В этой ситуации только Смирнов мог взять на себя задачу ознакомления нового посла с обстановкой и помочь ему в исполнении некоторых дипломатических обязанностей. С. Р. Воронцов был так благодарен священнику, что вскоре между ними установились не только служебные, но и дружеские отношения.

Трудно представить, чтобы после выполнения столь многочисленных обязанностей у Смирнова оставалось свободное время. Но талант и работоспособность отца Якова были настолько велики, что он успевал заниматься научными и литературными трудами, отвечать на массу писем делового и личного характера, общаться со своими лондонскими друзьями, среди которых было немало влиятельных людей. Любой британец, отправлявшийся в Россию, мог рассчитывать на внимание с его стороны¹¹. Услугами Смирнова пользовались и дру-

⁸ Церковниками назывались все члены причта русских заграничных церквей, не посвященные в сан (дьячки, пономари и певчие). Их положение было крайне тяжелым, поскольку жалованья церковника (200 руб. в год) не хватало на самое необходимое (*Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты... Т. I. С. 420, 422; Кросс Э. Г. У Темзских берегов. С. 68–69*).

⁹ Смирнов служил священником в Лондоне при пяти российских представителях: до 1785 г. — при И. М. Симолине, с 1785 по 1806 гг. (с перерывом в 1800–1801 гг.) — при С. Р. Воронцове, с 1806 по октябрь 1807 г. — при М. М. Алопеусе, в 1812–1834 гг. — при гр. Х. А. Ливене и вплоть до середины 1837 г., когда по состоянию здоровья уже не мог вести церковные службы, при К. О. Поццо ди Борго. Алопеус был аккредитован в Лондоне в качестве посланника, все остальные — в качестве послов.

¹⁰ См.: *Кросс Э. Г. У Темзских берегов. С. 66–67*.

¹¹ См.: *Cross A.G. Anglo-Russia: Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Century: Selected Essays. Oxford / Providence, 1993. P. 227; Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. 2-е изд. / Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1991. С. 247, 248. Письма от 17 и 31 мая 1803 г. См. также издание писем сестер Уилмот на англ. яз.: *The Russian Journals of Marta and Catherine Wilmot, 1803–1808 / Ed. by Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. L., 1934.**

гие иностранные путешественники. Он, например, много помогал знаменитому борцу за свободу Латинской Америки венесуэльцу Ф. де Миранде, когда тот в 1789—1792 гг. жил в Лондоне, спасаясь от преследования испанских властей, обвинивших его в государственной измене. (Импозантному южноамериканцу, побывавшему в 1786—1787 гг. в России, покровительствовали Екатерина II, кн. Г. А. Потемкин и С. Р. Воронцов.)¹²

Смирнов также всегда радушно и гостеприимно принимал соотечественников, оказавшихся в Лондоне. Свои воспоминания о встречах с ним оставили многие люди, покоренные его гостеприимством, добротой и выдающимися способностями. Одним из первых знакомство с отцом Яковом описал литератор, критик, переводчик, издатель журнала «Московский Меркурий» П. И. Макаров, посетивший Великобританию в 1795 г. После возвращения на родину он посвятил ему (сокращенно именуя «священником С-вым») несколько строк путевых заметок. Макаров так описывал своего нового знакомого: «...человек довольно молодой, довольно недурной, высокого роста, стройной, статной, осанистой, одетый с величайшим старанием, но без всякого оказания неприличного щегольства, словом сказать: молодой, хорошо воспитанный лорд — и сей лорд был г. С-в, русский священник при посольстве». Далее автор сообщал: «С-в человек очень умной; знает хорошо латинской язык, говорит по-французски, по-немецки, по-англински, и (естли не ошибаюсь) по-итальянски, — много читал, и сам переводит и сочиняет. Он любит англичан до чрезвычайности; за то и англичане любят его. Не думаю, чтобы он захотел жить где-нибудь в другом месте, кроме Лондона»¹³. Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» рассказывает о том, что Смирнов водил его в один из кофейных домов британской столицы, где собирались купцы, торгующие с Россией¹⁴. И хотя это упоминание осталось единственным указанием на знакомство писателя со Смирновым, можно предположить, что большинство прогулок по незнакомому городу автор совершил в компании посольского священника.

Содействие путешественникам было личной любезностью Смирнова, которую он готов был проявить в то время, когда не служил в церкви или не был занят выполнением ответственных поручений российского правительства. В Петербурге же в первую очередь нуждались в поступлении достоверной информации о внутренней жизни Великобритании и о том, какую «русскую» политику собирается проводить британский кабинет. Поскольку посол не мог лично заниматься сбором информации подобного характера, эту задачу пришлось взять на себя Смирнову, его ученикам церковнику А. Г. Евстафьеву¹⁵ и переводчику А. В. На-

¹² Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986. С. 248.

¹³ [Макаров П. И.] Россиянин в Лондоне, или Письма к друзьям моим // Московский [так!] Меркурий, 1803. Ч. 1. № 1. С. 30—31.

¹⁴ См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1988. С. 451.

¹⁵ А. Г. Евстафьев (1779—1857) — по происхождению донской казак, выпускник, так же как и Смирнов, Харьковского духовного училища. Определен церковником в Лондон в 1780 г. В 1808 г. уехал из Великобритании, с 1809 по 1827 г. занимал пост российского консула в Бостоне, с 1834 по 1847 г. — такой же пост в Нью-Йорке. Прославился как литератор и переводчик с русского на английский язык. Подробнее о нем см.: Алексеев М. П. А. Г. Евстафьев — русско-американский писатель начала XIX в. // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 8. С. 22—27;

заревскому, секретарю посольства В. Г. Лизакевичу, а также личному секретарю посла швейцарцу Ф. Жоли. Кросс называет их «разведывательным отделом» посольства и пишет о том, что «они добывали информацию для российской Коллегии иностранных дел через обширную сеть своих знакомств, а также пытались воздействовать на английское общественное мнение. Эти усилия принесли выдающиеся плоды во время “Очаковского кризиса” 1791 г. и событий 1793–1795 гг., связанных со вторым разделом Польши»¹⁶.

Историк упоминает здесь о том, как российское посольство сумело переиграть премьер-министра Великобритании У. Питта Младшего в т. н. «памфлетной войне», когда Лондон грозил России вмешательством в русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Члены посольства тогда в многочисленных газетных статьях и в нескольких анонимных памфлетах на английском языке сумели доказать преимущество для Великобритании торговли и дружбы, а не войны с Россией. (Конечно, такой успех мог быть возможен только в ситуации, когда большинство британцев были настроены пацифистски¹⁷.) В период второго раздела Польши «разведывательный отдел» посольства нейтрализовал деятельность в Лондоне польской эмиграции и раскрыл планы поляков по организации сопротивления России¹⁸.

Эти и другие успехи Смирнова позволили К. Г. Боленко сделать следующий вывод: «...российская агентурная сеть в Англии к концу XVIII столетия была широкой, и действовала весьма эффективно. Создается впечатление, что невыполнимых задач для русской миссии не было и всегда и везде среди англичан имелись люди, на которых можно было опереться при решении любого вопроса — будь то копирование секретной карты, знакомство с техническими новинками или передача в Россию дипломатической переписки»¹⁹. Для современного читателя, привыкшего к определенному образу «рыцаря плаща и кинжала», хотелось бы уточнить некоторые моменты. Участие в сборе разведывательной информации не может поколебать представление о Смирнове как о высоконравственном и порядочном человеке, искреннем друге Великобритании. Не по своей воле занимаясь этим делом, он всегда стремился сохранять и укреплять дружественные отношения двух стран, борясь только против того, что, по его мнению, их разъединяло, не принуждал никого из своих друзей к сотрудничеству и не использовал во вред им полученные сведения. Смирнов, как и помогавшие ему британцы, понимал: российские войска никогда не вторгнутся на британскую территорию, Пономарев В. Н. Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник. 1990. М., 1991. С. 191–205; Schlafly D. L., Jr. The First Russian Diplomat in America: Andrei Dashkov on the New Republic // The Historian, 1997. Vol. 60. Issue 1. P. 39–58.

¹⁶ Кросс Э. Г. У Темзских берегов. С. 64.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Александренко В. Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 113–127.

¹⁸ См. донесение С. Р. Воронцова в ГКИД от 20/31 октября 1794 г. Опубликовано в кн.: Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты... Т. II. С. 253–254.

¹⁹ Боленко К. Г. К вопросу о вкладе русской миссии в Лондоне в развитие русского флота на рубеже XVIII и XIX вв. // Россия и реформы: Сб. статей. Вып. 4 / Сост. Н. В. Самовер. М., 1997. С. 7.

поэтому информация, которую они ему передавали, не может повредить обороноспособности их страны. Невозможно также увидеть в действиях священника материальной заинтересованности. Его заслуги в разведывательной деятельности, сохранившие стране миллионы рублей и тысячи жизней, были оплачены весьма скромно. В 1791 г. за антивоенную кампанию он получил 200 фунтов стерлингов (1600 руб.), в 1795 г. за борьбу с польской эмиграцией — 150 фунтов стерлингов (1200 руб.) одновременно и ежегодную прибавку к жалованью в 50 фунтов стерлингов (400 руб.)²⁰.

Если при Екатерине II отец Яков получил лишь орден Св. Анны 2-й степени, то после восшествия на престол Павла I ему был пожалован орден Св. Иоанна Иерусалимского с одновременной прибавкой жалованья²¹. В сентябре 1800 г. последовало новое проявление милости императора. Сам Смирнов писал на имя Павла I: «...Едва успел я изъявить чувствования искреннейшей благодарности за всемилостивейшее удостоверение меня орденом Святого Иоанна Иерусалимского, как почти в тот же день извещен я о новых щедротах на меня излианных пожалованием мне тысячи гиней²², во изъявление, по словам графа Федора Васильевича [Ростопчина]²³, Высочайшего Вашего удовольствия за усердие, с коим стараюсь я исполнять возложенные на меня поручения по делам службы». Далее отец Яков восторженно превозносил щедрость самодержца. «Коль блаженны подданные, кои имеют щастие служить толь премудрому, справедливому и милосердому Государю! Для совершенного их благоденствия, да сохранит Господь дражайшее здравие Ваше навсегда, безвредно и непоколебимо и да исполнит всевожделеннейших благ вся дни драгоценнейшей Вашей жизни»²⁴, — писал он. Как видим, у Смирнова не было никаких личных причин ненавидеть Павла I, скорее наоборот, но через несколько месяцев политика императора поставила посольство в такое сложное и двусмысленное положение, что как раз прекращение «драгоценнейшей жизни» вызовет невольный вздох облегчения у посольского священника.

С этим эпизодом связан единственный случай в истории российской внешней политики, когда духовному лицу поручалось исполнение дипломатических обязанностей. Как известно, в 1800 г. Павел I, глубоко оскорбленный нерыцарственным, с его точки зрения, поведением Великобритании, не оказавшей ожидавшейся помощи своим союзникам по второй антифранцузской коалиции, пошел на открытый разрыв с Лондоном и на сближение с Францией. С. Р. Воронцов, который выступал против этой меры, был смещен со своего поста, а его имения конфискованы в казну за долги британских банкиров. Император

²⁰ Кросс Э. Г. У Темзских берегов. С. 65. За 1 ф. ст. в это время давали 8 руб. ассигнациями.

²¹ См.: Русский биографический словарь. Т. [18]. Сабанеев — Смыслов. М., 1904. С. 663.

²² Гиней (золотая монета в 1 ф.ст. 1 шил.) — около 6,37 руб. серебром.

²³ В 1798–1801 гг. Ростопчин был главой внешнеполитического ведомства России, имеясь первоприсутствующим в Государственной коллегии иностранных дел (ГКИД). В 1801 г. его на этом посту сменил гр. П. А. Пален.

²⁴ АВПРИ. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 6. Д. 867. Письмо от 14/26 сентября 1800 г. Впрочем, скорее всего, Смирнов так никогда и не получил эти деньги. Смерть Павла I автоматически останавливала исполнение его приказов, которые должен был подтвердить новый монарх. Александр I тогда не дал своего согласия на увеличение жалованья Смирнова.

требовал его срочного возвращения в Россию. Граф не желал возвращаться, поэтому уехал в Саутгемптон и тянул время, запросив разрешение на проезд не через Гамбург, а через Кале (он надеялся, что французское правительство не даст такого разрешения врагу республики). Пока решался этот вопрос, поверенным в делах России в Лондоне назначили Лизакевича. Но вскоре он был переведен на новый пост, в Копенгаген. Отъезд Лизакевича из Лондона, вызванный наложением в России эмбарго на имущества британских подданных, был настолько быстрым и тайным, что напоминал скорее бегство²⁵. В посольстве не осталось ни одного чиновника, могущего выполнять дипломатические обязанности и тогда 29 сентября 1800 г. решением императора неофициальным российским представителем в Лондоне назначили Смирнова²⁶.

Будучи, так же как и С. Р. Воронцов, убежденным сторонником российско-британского союза, Смирнов не одобрял политики Павла I по отношению к Великобритании, но должен был подчиняться высочайшим приказам. Это потребовало немалого мужества, т. к. дело явно шло к войне и британское правительство установило за ним тайный надзор, лишавший его возможности выехать по собственному желанию из страны²⁷. Но смерть Павла I в марте 1801 г. коренным образом изменила ситуацию. Сразу после получения известия об этом событии (курьер Безелер прибыл в Лондон поздним вечером 1/13 апреля) священник отправил графу в Саутгемптон краткое письмо, в котором были следующие строки: «Успокойте, ваше сиятельство, дух ваш от временных беспокойств. Павел I-й отыде в вечный покой»²⁸.

После таинственного визита курьера в российское посольство по Лондону стали распространяться слухи о смерти императора, но точно никто ничего не знал. Между тем перемена правления в России имела жизненно важное значение и для Великобритании, и для Франции. Известно, как был раздосадован Бонапарт, когда узнал о смерти Павла I. Из-за этого ему пришлось временно пойти на улучшение отношений с Великобританией (в 1802 г. с ней будет подписан Амьенский мир). С другой стороны, британские министры не скрывали своей радости, но хотели знать, какой будет политика нового императора Александра I. Поэтому Смирнова стали осаждать многочисленные посетители, пытавшиеся узнать хоть что-то конкретное о событиях в Петербурге. Среди них посольство посетил французский уполномоченный по обмену военнопленными опытный дипломат Л. Г. Отто. Правительство его страны, надеясь на сближение с Россией, все-таки выдало паспорт С. Р. Воронцову на проезд через Кале, и Отто за два дня до своего визита уже получил от Смирнова расписку. Несмотря на это, отец Яков вновь услышал от него сообщение о выдаче паспорта.

Измученный Смирнов не мог понять цели столь странного разговора, пока

²⁵ См.: *Александренко В. Н.* Император Павел I и англичане (Извлечение из донесений Витворта) // *Русская старина.* 1898. Т. 96, № 10. С. 100–101.

²⁶ См.: *АВПРИ. Ф. 35* (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 535. Опубл.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты... Т. II. С. 294. Бартенев полагал, что этот казус мог соответствовать исключительно «узурочно-странному Павловскому царствованию» (см.: *Бартенев П. И.* Указ. соч. С. 354).

²⁷ См.: *Александренко В. Н.* Император Павел I и англичане. С. 101.

²⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 20. М., 1881. С. 466. № 4.

француз не перешел к главному. Вот как об этом рассказывал в письме к гр. П. А. Палену сам священник (беседа достойна того, чтобы привести ее целиком). «Потом вдруг, обратясь ко мне, он (Отто. — А. О.) воскликнул: «Но, мой Бог! Какой слух распространился по всему городу!» (разумея о кончине императора Павла Первого). «Вы в это верите, месье?» «Да, — отвечал я ему, — я верю, что это правда». «Так значит, вы верите, что это правда, месье?», — повторил он. «У меня нет никакой причины, месье, — повторил я, — в этом сомневаться». По сем, сказав несколько других слов, он опять повторил: «Таким образом, надо верить, что это событие было?» «Я в это верю, месье», — сказала я. «Ах, — прибавил он, — это очень печально, месье». После сего он мне сказал, что он через день, либо два будет писать к своему правлению и что, если граф Воронцов имеет какие-нибудь дальние (т. е. дальнейшие. — А. О.) приказания, либо желания, то он охотно о том сообщит. Я, поблагодаря за учтивость, сказал, что не оставлю известить о том его сиятельство»²⁹.

Удивительная беседа двух людей, которые ничего не знают о том, что произошло в Петербурге! Смирнову, как и всем остальным российским представителям за границей, сообщили только о том, что император неожиданно скончался «апоплектическим ударом». И хотя он чувствовал, что на самом деле все обстояло не так просто, но ни одним словом не выдал своих сомнений. В то же время следует обратить внимание на то, в каких трудных условиях приходилось работать российским представителям за границей в начале XIX в. Они слишком часто не имели достоверной информации о планах своего правительства, но, несмотря на это, успешно действовали в сложнейших политических обстоятельствах. Так могли поступать только внутренне свободные люди, имеющие свой взгляд на развитие международных отношений и не боящиеся брать на себя ответственность за принятие необходимых решений.

Вскоре Александр I восстановил С. Р. Воронцова в должности посла в Великобритании. Жизнь российской миссии постепенно нормализовалась, и Смирнов мог с полным основанием сообщить в Петербург о том, что все ее чиновники возносят молитвы за сохранение здоровья «Александра Первого, давно уже в сердцах верноподданных своих особенною благостию и добродетелями воцарившегося»³⁰. Восстановление российско-британских отношений при новом императоре действительно чрезвычайно обрадовало священника. Он никогда не скрывал своей привязанности к Британии и британцам, не переходившей, впрочем, в слепую англоманию.

Но после подписания в июне 1807 г. Тильзитского мира между Россией и Францией российские дипломаты вновь вынуждены были покинуть Лондон. В британской столице остались только служащие посольской церкви. Их число также постепенно должно было сокращаться в целях экономии денежных средств, доставление которых, и до этого достаточно нерегулярное, было еще более затруднено. К продаже был назначен даже посольский дом под № 36 по

²⁹ АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 468. Т. 2. Д. 6744. Л. 45 об. — 46. Письмо от 5/17 апреля 1801 г. Пер. с фр. яз. В. А. Исакова.

³⁰ Там же. Л. 43 об. Смирнов Палену от 2/14 апреля 1801 г.

Хэрли стрит (Harley street), обходившийся казне достаточно дорого³¹. Была уволена вся прислуга посольства, набранная из англичан, вплоть до сторожа. С. Р. Воронцову, оставшемуся жить в Великобритании на положении частного лица, с огромным трудом удалось добиться разрешения российских властей на то, чтобы Смирнову позволили не выезжать из Лондона ради сохранения православной церкви, «дабы не отступать от давнего и полезного предмета сблизиться с единоверцами»³².

Покупателей на посольский дом не находилось, он стоял заброшенным, и в него несколько раз наведывались грабители. Поэтому в октябре 1808 г. отец Яков с семьей переехал туда на жительство³³. Основную часть своего времени он теперь тратил на устройство жизни оставшихся на британской земле российских подданных, к которым вскоре начали прибавляться военнопленные. Материальное положение этих людей было отчаянным. Все они с огромным трудом добывали средства для жизни. В донесении российскому министру финансов гр. Д. А. Гурьеву от 19/31 января 1812 г. Смирнов писал о том, что «частые по разным их нуждам и потребностям отношения поездки в фьякре в разные департаменты [британского] правительства и другие места, а иногда для избежания пословицы сухая ложка рот дерет, хотя небольшие угощения тех, к коим прибегать должно с просьбами, вычерпали из моего кармана немалое число шиллингов...»³⁴ Жизнь россиян во враждебной стране, горестно резюмировал Смирнов, хоть они и не в тюрьме, мучительней тюремной.

Большинство из тех, кого в это время опекал отец Яков, с благодарностью принимали его помощь. Но иногда среди них попадались люди, которые доставляли священнику немало ненужных хлопот и поступки которых вызывали у него тяжелые переживания. Много сил и средств потратил он на чертежника департамента водяных коммуникаций Главного управления путей сообщения В. И. Дусаева, случайно попавшего в Великобританию в октябре 1809 г. До этого тот находился во Франции в составе российской гидрологической миссии, но был выслан в Россию за пьянство, пренебрежение служебными обязанностями и многочисленные долги³⁵. Государственный канцлер гр. Н. П. Румянцев лично убедился в этом во время посещения Парижа. Чертежник гулял во французской столице с размахом, пропив и проиграв все, вплоть до одежды. Чтобы не обострять отношений с властями, российскому послу кн. А. Б. Куракину пришлось выделить деньги на оплату его долгов, обмундирование и провоз до Риги из средств посольства, предназначенных на чрезвычайные расходы³⁶. Но самому Дусаеву эту весьма значительную сумму (2415 франков или 1690 руб. 50 коп. по курсу того времени), естественно, не доверили. Их вручили капитану российского брига «Елизавета Алексеевна» Ю. Типкесу, который должен был следить за

³¹ *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты... Т. I. С. 446–447.

³² Там же. Т. II. С. 277–278.

³³ АВПРИ. Ф. 184 (Российское посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1. Л. 3–3 об. Смирнов Румянцеву (?) от 14/26 октября 1808 г.

³⁴ Там же. Д. 2. Л. 40–40 об.

³⁵ Там же. Ф. 1 (Административные дела). II-6 (1818 г.). Д. 25. Л. 36 об., 40 об., 43.

³⁶ Там же. Л. 40 об. Румянцев директору Главного управления путей сообщения принцу Г. П. Гольштейн-Ольденбургскому от 5 ноября 1809 г.

Дусаевым во все время плавания и по прибытии в Ригу сдать его на руки Лифляндскому гражданскому губернатору. С самого Дусаева взяли подписку о том, что он будет беспрекословно подчиняться своему наставнику³⁷.

Однако бриг «Елизавета Алексеевна» вскоре после выхода из французского порта Морле попал в руки британцев и как военный трофей был отведен ими в Дувр³⁸. Оттуда Дусаев, узнав об оставшемся в Лондоне священнике, начал бомбардировать Смирнова просьбами о денежной помощи³⁹. Отец Яков, как всегда принявший близко к сердцу страдания соотечественника, выслал ему 76 ф. ст. на первые расходы и пригласил перебраться в Лондон, где он мог бы устроить его на жительство в дешевый пансион⁴⁰. Одновременно Смирнов 9 декабря 1809 г. направил письмо Румянцеву, в котором, подробно описав все злоключения Дусаева, которого он принял за человека «с талантами и достоинствами», сообщал канцлеру свои планы по поводу устройства жизни чертежника в британской столице⁴¹. Дусаев же, к удивлению Смирнова, долго откладывавший свой приезд в Лондон, прибыл туда только 14 декабря и отказался от сделанного ему предложения. Он объяснил, что в Дувре у него нашлись состоятельные друзья, которые будут ему помогать во все время пребывания в городе⁴². Этот поступок породил у священника первые сомнения в честности Дусаева, ибо как мог он так быстро обзавестись друзьями в совершенно незнакомой ему стране, к тому же находящейся в состоянии войны с Россией? Подозрения, к сожалению, оказались более чем обоснованными.

3/15 января 1810 г. Смирнов получил от Дусаева письмо, в котором содержался прямо-таки вопль о помощи. В письме сообщалось о том, что по приказу мэра Дувра россиянин несправедливо посажен в тюрьму якобы только из-за отсутствия у него паспорта. Больше никаких подробностей в письме не приводилось, но Дусаев убеждал священника, что по приезде в Лондон он сможет совершенно оправдаться от всех возводимых на него обвинений (каких именно, он не указывал) и будет «приносить по совету приятелей жалобу на господ[ина] мера (мэра. — А. О.), которая уже приготовлена. Ежели же хотите избавить меня от поносной отправки в Лондон, писал он далее, то хотя из человеколюбия, естли, чего не думаю, сомневаетесь о заплате моего вам долга российским министерством, доставьте на 15 фун[тов] кредиту; ибо все платья мои сожжены, я сам почти не потерял жизнь и теперь нахожусь в опасной болезни. От капитана моего буду я по приезде в Россию требовать отчета, о чем равно с вами в Лондоне объяснюсь⁴³. Не откажите ради Бога в сем крайнем положении [выдать] малое посо-

³⁷ АВПРИ. Ф. 184. Л. 43.

³⁸ См.: Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 2. Л. 148–148 об.

³⁹ См.: Там же. Л. 149–149 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 130, 174 об.

⁴¹ См.: Там же. Л. 174 об.–175.

⁴² См.: Там же. Л. 183, 189–189 об.

⁴³ Дусаев, находясь в Великобритании, постоянно требовал от капитана Типкеса выдачи ему части денег, полученных от Куракина, но всегда получал отказ. Он пытался с помощью клеветы воздействовать на Типкеса через Смирнова, но также неудачно (См.: Там же. Л. 178, 178 об. Переписка Смирнова и Типкеса за январь 1810 г.).

бие, о коем прошу, иначе принужден буду почти нагим ехать в Лондон»⁴⁴. После получения этого письма подозрения Смирнова по поводу «проказ» Дусаева еще более укрепились. 4 января он отправил в Дувр письмо, в котором, выражая уверенность в том, что в Англии «вовсе не в обычае хватать людей и сажать в тюрьму» без вины, объяснял Дусаеву, что денег он более дать ему не в состоянии⁴⁵. Единственное, чем Смирнов мог еще помочь незадачливому соотечественнику, это снабдить его необходимой одеждой на свой счет и в случае обращения к нему британских властей подтвердить его российское подданство⁴⁶.

Объяснение истинных причин, заставивших Дусаева вновь обратиться за помощью к священнику, не заставило себя долго ждать. Вскоре в двух номерах газеты «Таймс» появились сообщения о пожаре в дуврской гостинице «Лондон», во время которого погиб ремесленник Робинсон из Кентербери, а сама гостиница была сожжена дотла⁴⁷. После проведенного городскими властями расследования выяснилось, что виновником трагедии был не кто иной, как российский «джентльмен» — пассажир брига «Елизавета Алексеевна». Оказалось, что Дусаев и в Дувре пытался жить на парижский манер. Вместе со своими новоявленными «друзьями» (видимо, такими же кутилками, как он сам) чертежник во время очередной попойки устроил пожар в гостинице, после чего был арестован и посажен в тюрьму⁴⁸.

Вскоре был получен и ответ Румянцева, в котором выражалось сожаление по поводу того, что Смирнов мог принять проходимца и лгуна за достойного человека. Но иначе и быть не могло, ибо сам будучи честен и прям, отец Яков в других людях предполагал наличие тех же качеств и, к сожалению, не раз бывал обманут. Зная это, канцлер в том же письме выражал пожелание, чтобы «вы впредь без особенного приказанья начальства не снабжали деньгами на мой счет никого, кто бы это ни был». Все же, учитывая сложившуюся ситуацию, которая, без сомнения, в определенной степени усугубила неприязнь британцев к России и к россиянам (заметка в «Таймс» не могла остаться незамеченной), Румянцев просил Смирнова «...не упускать из виду Дусаева во все его пребывание в Англии и употребить старание ваше об отправлении его как можно скорее в Швецию, предварив (т. е. предупредив. — *А. О.*) о том находящегося в Стокгольме инженер-генерала фон Сухтелена⁴⁹, а вместе с тем и меня уведолив, дабы я мог принять нужные меры для дальнейшего его сюда (т. е. в Россию. — *А. О.*) отправления»⁵⁰.

Бриг «Елизавета Алексеевна» был освобожден из-под ареста в том же январе 1810 г. Смирнов приложил максимум стараний для того, чтобы Дусаева выпустили из тюрьмы и позволили ему вернуться в Россию. С помощью влиятель-

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 2. Л. 185–185 об.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 189.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 187, 188. Вырезки из номеров газеты «Таймс» от 17 и 19 января (н. ст.) 1810 г.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 134–134 об. Письмо от 15/27 января 1810 г.

⁴⁹ Барон, потом граф П. К. Сухтелен (1751–1836) — российский государственный и военный деятель. С декабря 1809 по сентябрь 1811 г. и с марта 1812 по апрель 1813 г. находился с особой миссией в Швеции, фактически выполняя обязанности посланника.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 2. Л. 130–131. Письмо от 27 января 1810 г.

ных британских друзей удалось добиться не только этого, но и прощения всех оставшихся на Дусаеве долгов, чему сам он был немало удивлен⁵¹. Кое-какие его мелкие долги в Дувре были заплачены капитаном Типкесом⁵². После этого 16/28 марта 1810 г. чертежник наконец-то покинул Великобританию.

Смирнов продолжал активно действовать в Лондоне в течение всего периода российско-британского конфликта 1807—1812 гг. Служба в церкви не прекращалась ни на один день. Кроме того, он по-прежнему снабжал высших российских чиновников подробной информацией о политике британского правительства, рискуя при этом, как минимум, своей свободой. Так, например, в марте 1809 г. Куракин просил сообщить ему для доставления в Петербург «самое откровенное и обстоятельное известие... о настоящем течении дел в Англии, о мерах тамошним правительством к продолжению войны предпринимаемых и вообще о настоящих деяниях, видах и желаниях англинского министерства и парламента»⁵³. Отец Яков переслал в Париж свои подробные «Замечания» на все эти вопросы, но начинал донесение словами о том, что он надеется на употребление собранных сведений «со всею тою тайною и снисхождением со стороны Вашего сиятельства, о коих я Вас прошу всенижайше и коих необходимость нынешних обстоятельств требует»⁵⁴. В переписке с Куракиным он высказал очень важное для Александра I, с тревогой наблюдавшего за ростом напряженности во франко-российских отношениях, соображение о том, что в Великобритании сохраняется желание возобновить мир с Россией, причем без обязательства для последней после этого вступить в войну с противниками британской короны⁵⁵. И все-таки Смирнов шел на серьезный риск, поскольку, как он сам объяснял в письме своему другу адмиралу П. В. Чичагову в том же 1809 г., хотя «мог бы сидеть, сжав руки и стиснув зубы», но не позволял себе молчать «при тех случаях, где, кажется, польза либо партикулярных (т. е. частных лиц. — А. О.), либо общественная требует, чтобы я не молчал»⁵⁶. Эти слова являются лозунгом всей жизни Смирнова, прошедшей не ради достижения личных выгод, но для блага конкретных людей в России и Британии.

В это время священник также продолжал заниматься снабжением всем необходимым российских военнопленных и гражданских лиц, организовывал помощь им со стороны британской общественности (поскольку средства из России по-прежнему часто запаздывали или не приходили вовсе), готовил отправку россиян на родину⁵⁷. В декабре 1812 г. Смирнов встречал в Лондоне нового посла гр. Х. А. Ливена, которому передал ключи от сохраненного посольского дома и ценнейший архив лондонской миссии. С Ливеном им предстояло сотрудничать 22 года и ему отец Яков окажется нужен и полезен не менее чем С. Р. Воронцову. Заслуги священника в сложный период развития европейской истории были по

⁵¹ См.: АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 2. Л. 197—197 об., 198.

⁵² См.: Там же. Л. 206 об.

⁵³ Там же. Ф. 133. Оп. 468. Т. 3. Д. 9022. Л. 38. Куракин Смирнову от 12/24 марта 1809 г.

⁵⁴ Там же. Л. 48 об. «Замечания о нынешнем положении в Англии». Апрель 1809 г.

⁵⁵ См.: Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 2. Л. 70—70 об. Смирнов Куракину от 28 мая / 9 июня 1809 г.

⁵⁶ Там же. Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), III—14. Оп. 107. Д. 3. Л. 407. Смирнов Чичагову от 25 мая / 6 июня 1809 г. Постскрипtum.

⁵⁷ См., напр.: Там же. Л. 645—645 об. Смирнов Чичагову от 31 марта / 12 апреля 1808 г.

достоинству оценены. В 1817 г. Святейший Синод возвел его в сан протоиерея, а в 1818 г. он был награжден крестом для священников в память 1812 г. и лично от Александра I бриллиантовым перстнем⁵⁸.

После свержения Наполеона и установления мира в Европе Смирнов смог наконец больше времени уделять своим литературным и научным занятиям. Он всегда стремился помогать британцам в познании России и полагал, что лучше всего делать это при помощи знакомства с литературой другого народа⁵⁹. Вклад священника в сближение российской и британской культур настолько велик, что это позволило Алексееву сделать вывод о том, что в начальные годы XIX в. литературно-переводческий кружок, существовавший в российском посольстве под руководством Смирнова, взял «...в свои руки инициативу ознакомления англичан с русской художественной литературой...»⁶⁰. Впоследствии эту работу продолжил второй сын Смирнова — Иван⁶¹, прекрасно знакомый с культурами и языками обоих народов. Заслуги И. Я. Смирнова оказались настолько значительными, что его избрали членом нескольких британских научных и литературных обществ⁶².

Весьма значительными и продуктивными были также связи отца Якова с британским ученым миром. О занятиях Смирнова любимой им агрономией и о его участии в российско-британском обмене сельскохозяйственными знаниями подробно рассказывает в своей книге Кросс⁶³. Кроме того, священник был знаком со знаменитым философом и правоведом Джереми (Иеремией) Бентамом, который, собираясь в 1785 г. предпринять путешествие по странам Европы и в том числе посетить Россию, где в это время жил его брат Сэмюэл, воспользовался рекомендательными письмами, полученными от Смирнова⁶⁴. Поистине неоценимой оказалась помощь, которую отец Яков постоянно оказывал петербургским Академии художеств и Академии наук в их контактах с британскими учеными и деятелями культуры⁶⁵. Вообще, от внимания священника не ускользала практически ни одна новинка, полезная для России. В его письмах можно найти самые разнообразные сообщения на эту тему, начиная с паровых машин и новейших станков и заканчивая незаменимой на российском бездорожье патентованной фурой из двух телег.

⁵⁸ См.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. С. 65; АВПРИ. Ф. 1, IV-20 (1818 г.). Д. 4, 12.

⁵⁹ Этот вопрос подробно исследован в книге М. П. Алексеева и в одной из статей Э. Кросса. Последний отмечает тот факт, что Смирнов способствовал популяризации в Великобритании именно ломоносовской традиции, наиболее ценимой и любимой в русской литературе им самим (см.: *Кросс А. Г.* Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 106. Далее — *Кросс А. Г.* Русское посольство в Лондоне...).

⁶⁰ *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи... С. 144.

⁶¹ И. Я. Смирнов (ум. в 1884 г.?) служил курьером и переводчиком, потом секретарем в российском посольстве в Лондоне, в 1836 г. назначен генеральным консулом в Генуе. Подробнее о нем см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи... С. 180. Прим. 100.

⁶² *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. С. 67.

⁶³ См.: Там же. С. 82–85, 97, 106–107.

⁶⁴ См.: *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты... Т. I. С. 427.

⁶⁵ О контактах Смирнова с Академией художеств подробнее см.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. С. 66.

Ну и, конечно, Смирнов по-прежнему продолжал радушно встречать в Лондоне путешествующих соотечественников. В 20–40-х гг. XIX в. все россияне, будучи в Великобритании, почитали «золотым правилом» посещение дома отца Якова. О встречах с ним и о добрых впечатлениях от этого знакомства писали племянник известного русского драматурга А. П. Сумарокова П. И. Сумароков, долгое время живший в Западной Европе старший брат декабриста Н. И. Тургенева А. И. Тургенев, возвращавшийся домой из путешествия по Востоку крестьянин (редкий случай в первой половине XIX в.!) Д. И. Цикулин, профессор Харьковского университета К. П. Паулович и многие другие⁶⁶.

К 1830 г. относятся воспоминания о нем начинающего художника (впоследствии профессора живописи и ректора Академии художеств) Ф. И. Иордана. Смирнов, принявший Иордана, по выражению последнего, как «отец родной», обещал ему прежде всего выхлопотать прибавку к жалованью, зная обычную стесненность российских студентов в средствах, а также свести его с известным лондонским живописцем Раймбахом, к которому Иордан желал попасть в ученики⁶⁷. В день посещения мастерской Раймбаха священник предстал перед молодым художником, «будучи одет лордом старых времен: в длинном фраке с фалдами, доходящими почти до пят, с пряжками на башмаках, в штиблетах, с низкою шляпою с большими полями и могучею большою палкою в руке с серебряным набалдашником. Весь этот внешний вид внушал к нему искреннее почтение. Он шел тихо, описывая палкою круг, и при его почтенной наружности, с косою назад, с сильно напудренными волосами и с зачесанными висками, он казался мне живым портретом голландской школы XVIII века»⁶⁸. Интересно отметить совпадение впечатлений Макарова и Иордана, хотя между ними и лежит 35 лет. За время жизни в Лондоне православный священник приобрел чисто английскую привычку к постоянству в манере одеваться.

Даже когда с середины 1837 г. Смирнов из-за преклонного возраста и по слабости зрения оставил службу в церкви (27 августа из Парижа ему на помощь был прислан иеромонах Нифонт), он продолжал принимать русских гостей в кругу своей семьи. Известный издатель и журналист Н. И. Греч в путевых записках сообщал о том, что в британской столице среди прочих соотечественников он посетил «почтенного священника нашего посольства Якова Ивановича Смирнова, осмидесятилетнего старца, который шестьдесят лет живет в Лондоне, и пятьдесят лет тому назад принимал и руководил там молодого Карамзина. Он бодр ду-

⁶⁶ См.: *Сумароков П. [И.] Прогулка за границу*. Ч. III. СПб., 1821. С. 26, 144, 145; *Тургенев А. И. Хроника русского*. Дневники (1825–1826 гг.). М., Л., 1964. С. 395, 407; Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина и пр[очее] (окончание) // Северный архив, 1825. Ч. 15, № IX. Раздел III. Путешествия. С. 64; *Паулович К. [П.] Замечания о Лондоне*. Харьков, 1846. С. 521, 527, 528.

⁶⁷ В письме к президенту Академии художеств А. Н. Оленину от 14 апреля 1831 г. Смирнов, сообщая о том, что по его ходатайству Иордану определили годовой оклад в 200 ф. ст., отмечал: «О поведении и прилежании сего молодого человека я слышу от г. Реймбаха (так в тексте. — А. О.) самые лучшие отзывы» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР РНБ). Ф. 542 (Оленины). Оп. 1. Д. 300. Л. 14).

⁶⁸ См.: Записки ректора и профессора императорской Академии художеств Федора Ивановича Иордана, 1800–1883 гг. Гл. X–XI // Русская старина. 1891. Т. 70. № 5. С. 321.

хом и телом, только глаза его слабеют». Греч, однако, в отличие от Макарова и Иордана, увидел в отце Якове одинокого русского, старающегося окружить себя на чужбине тем, что было ему близко и дорого дома. «Мне казалось, что я посетил благочестивого отшельника, живущего на уединенном острове, посреди бурных волн чуждого океана. Русские иконы, лики русских царей, русские книги и русское сердце — вот все, что он сохранил от кораблекрушения. Довольно для здешнего света и — для будущего»⁶⁹. В этих словах Кросс видит стремление автора следовать принципам «теории официальной народности»⁷⁰. Нельзя отрицать справедливости подобного замечания, но следует отметить, что к этому времени Смирнов действительно превратился в живой памятник XVIII столетию. Уже не было на свете большинства из тех британцев и россиян, которые когда-то составляли круг друзей отца Якова. Жизнь ушла далеко вперед, и новая Британия, как и новая Россия, были неудобны для него. Об этом свидетельствуют записки лицейского товарища А. С. Пушкина писателя и переводчика Н. А. Корсакова, посетившего Лондон в 1839 г. Корсаков увидел перед собой старца «с зонтиком (т. е. с солнцезащитным козырьком. — А. О.) на глазах, одетого в старинный французский кафтан, штиблеты и в напудренном парике». Расспросив гостя о своих петербургских друзьях и узнав, что многих из них уже нет на свете, он сказал: «А я все еще живу, но такова воля Господня». Когда я у него спросил, — пишет Корсаков, — не думает ли он возвратиться в отечество, то он отвечал: “Нет, все мое семейство состоит из двух, здесь родившихся дочерей, пристроенных в Лондоне, а я не вынесу такого дальнего пути”»⁷¹.

Смирнов умер 16 апреля 1840 г. и был похоронен на кладбище Кэнсал Грин⁷². В России никто не откликнулся на это печальное событие. Короткое сообщение в несколько строк появилось только в лондонском «Журнале для джентльменов» («The Gentleman's Magazine»)⁷³. Имя его постепенно совершенно стерлось из памяти людей. Это, конечно, было несправедливо, поскольку личные достоинства отца Якова очень велики, таланты многообразны, а деятельность потрясающе плодотворна. Он, без сомнения, является выдающимся общественным деятелем, высокообразованным литератором, переводчиком, полиглотом. Его заслуги перед Россией и Великобританией невозможно переоценить. Справедлива оценка Кросса, который назвал Смирнова хранилищем всех знаний об Англии, существовавших в России в конце XVIII — начале XIX в.⁷⁴

Почему же Смирнов был забыт на такой долгий срок? На мой взгляд, забвение это было незаслуженным, но, к сожалению, совершенно естественным. Рано оторвавшись от родной среды, он приложил все усилия для того, чтобы стать своим среди британцев. Во многом именно Великобритания сделала Смирнова выдающейся личностью, но если бы православный священник с английским умом и привычками вернулся в Россию, он, вероятно, не нашел бы здесь своего места.

⁶⁹ Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. I. СПб., 1839. С. 174.

⁷⁰ Кросс Э. Г. У Темзских берегов. С. 62.

⁷¹ Корсаков Н. А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции в 1839 г. М., 1844. С. 43–44.

⁷² См.: *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты... Т. I. С. 428. Прим. 2.

⁷³ См.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. С. 60.

⁷⁴ См.: Там же. С. 59.

Вспомним фразу Смирнова из письма Дусаеву о том, что в Англии не в обычае без вины арестовывать людей и сажать их в тюрьму. Возможно, отец Яков сравнивал Англию с «беззаконной» Францией, а может быть, с Россией? Постепенно Россия стала для него только смутным воспоминанием, причем воспоминанием, относящимся к концу XVIII в. Когда ушли из жизни все те люди, с которыми Смирнов был близок духовно, исчезла и знакомая ему страна. Новая Россия слишком быстро шагала вперед и не сохранила памяти не только о лондонском священнике, но и о многих других замечательных россиянах.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁷⁵

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

С крайним душевным огорчением и прискорбием за долг поставляю донести Вашему Сиятельству о несчастном приключении, случившемся по-видимому в течение прошедшей ночи в нашей Церкви. Готовясь по обычаю сего утра на Священно-служение (так в тексте. — *А. О.*), пришедший один из Церковников, взяв у меня ключи, пошел отворить Церковь с тем, чтобы там сделать надлежащее приготовление Риз и прочего, но вдруг возвратясь, прибежал назад, сказывая, что разломаны церковные двери. Я тот час пошел с ним в Церковь и увидел, что при входе или притворе, ведущем в Церковь, у дверей плоским рычагом, сделанным наподобие вил, как можно примечать на дверях, замок, которой был очень крепок, выворочен и язычок, либо болт в оном согнут и почти отломлен, в других дверях, отворяющихся в Церковь, замка, которой также очень крепок, сколько ни силились, выворотить и сломать воры не могли. Затем прорезали и выломали в дверях одну четвертную панель железными орудьями, из коих одно второпях позабыли в Церкви, и, в ту дыру влезши, похитили из жертвенника серебрянную чашу (так в тексте. — *А. О.*) с позолоченною ложицею, с лежащего на престоле Евангелия сорвали наугольные четыре бляшки с выбитыми на оных изображениями Евангелистов и среднюю овальную с изображением Спасителя Нашего. Кроме того, взяли кадильницу и маленькой подсвешник, да из ящика, в котором хранилось несколько Риз и прочей одежды, выломав большой кусок дерева, вытащили сквозь ту дыру две ризы и подризник и пояс, и все сие бросили на полу, отрезав токмо от пояса позолоченную застежку, которую также унесли с собою, прочее же все, благодарение Богу, осталось в целости и без повреждения. Откуда и каким образом воры пришли, следов почти совсем нет, а токмо против одного пустого соседственного дому (так в тексте. — *А. О.*) на засохлом дереве, стоящем у каменной стены, сломано несколько сучьев и к забору приставлена лестница, принадлежащая к моему саду, но как сего утра был довольно сильный дождик, то других никаких следов вовсе неприметно.

⁷⁵ Стиль оригинала сохранен, орфография же и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. В некоторых случаях, для демонстрации того, как говорили и писали люди в начале XIX в., сохраняется архаичная форма слов и выражений.

Прося покорнейше извинения за нанесение Вашему Сиятельству беспокойства сим неприятным известием, честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностью,

Вашего Сиятельства,
Милостивого Государя,
[Я. И. Смирнов].

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Т. 2. Д. 6760. Л. 693–693 об.
Смирнов С. Р. Воронцову от 29 мая 1804 г.

Ключевые слова: российское посольство, церковь в Лондоне, дипломатия, наполеоновские войны, социокультурные связи, имагология (имиджиология).

PRIEST YAKOV IVANOVICH SMIRNOV AND HIS MINISTRY
FOR SIXTY YEARS IN LONDON
BY A. ORLOV

The article tells the story of the priest of the Orthodox church attached to the Russian Embassy in London, J. I. Smirnov (Linitsky), who lived for sixty years in the British capital. He was a notable public figure, a highly educated literary man, an interpreter and a polyglot. The unique event in the history of the Russian foreign policy was related to him. It was during the reign of Emperor Paul the First when diplomatic duties were entrusted to a clergyman.

Key words: Russian Embassy, a church in London, Diplomacy, Napoleonic wars, sociocultural relations, imageology.